

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ МУЗЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-Е ГГ.

Михаил Александрович Погорелов

Музей истории Преображенской психиатрической больницы им. В.А. Гиляровского
20-1 ул. Матросская Тишина, Москва, Россия
mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена советским пенитенциарным музеям, открывавшимся в 1920-е гг. при научных учреждениях и местах заключения. Их появление было связано с институционализацией криминологических исследований в конце XIX — начале XX в. и растущим интересом к «преступному миру» и тюремной культуре. Благодаря советской пенитенциарной реформе 1918–1930 гг. и возникновению советской криминологии эта тенденция к коллекционированию и экспонированию «артефактов» преступников и заключенных получает новое идеологическое воплощение. Советский пенитенциарный музей не просто стал научным учреждением, а преследовал более широкие просветительские и агитационные цели. Экспозиции таких музеев транслировали идеологию раннесоветской тюремной реформы. Музейные выставки подчеркивали революционность и «эмансипационность» советской пенитенциарной системы, противопоставляя ее «репрессивным» царской и капиталистической тюрьмам. Артефакты и нормы тюремных субкультур представлялись в музейных экспозициях как атрибуты отжившего «тюремного быта», мешающего «перевоспитанию» заключенных. Одновременно экспонирование продукции тюремных мастерских и «самодеятельности» заключенных (прессы или творчества) должно было продемонстрировать «прогрессивный» характер советских исправительно-трудовых домов, исправляющих преступника с помощью труда и образования. В данной работе советские пенитенциарные музеи впервые рассматриваются в историографии. Исследование опирается на документы Государственного архива Российской Федерации и фондов личного происхождения Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки, а также на опубликованные источники — академические издания, газетные и журнальные публикации и музейные путеводители.

Ключевые слова: криминологические музеи, пенитенциарные музеи, пенитенциарная выставка, тюремная реформа, Советская Россия, тюрьма, заключенные.

Для ссылок: Погорелов М. Пенитенциарные музеи в Советской России в 1920-е гг. // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 103–130.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-103-130

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/pogorelov.pdf>

PRISON MUSEUMS IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920S

Mikhail Pogorelov

Museum of Preobrazhensky Psychiatric Hospital
20-1 Matrosskaya Tishina Str., Moscow, Russia
mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

Abstract: The paper is devoted to the history of early Soviet prison museums which were opened and operated at research institutes and penitentiaries in the 1920s. It proposes to consider these museums within the context of positivist criminology that emerged in the late 19th and early 20th century. The increasing interest in criminal and prison culture motivated scholars and enthusiasts to collect and exhibit objects related to criminals and prisoners. Developing the model of the criminological museum, the Soviet prison museum pursued not only a purely scientific goal but had different functions. By comparing the Soviet penal system to its Tsarist counterpart, prison museums emphasized the revolutionary and emancipatory nature of the former. Representing artifacts (playing cards, tattoos, hand-made prison tools) and the rules of inmate subcultures, museum expositions condemned it as symbols of the old Tsarist prison. The exhibitions with prison factory products (manufactured goods and handicrafts) and samples of inmate initiatives and creativity (newspapers, journals or artwork) had to demonstrate the progressiveness of Soviet penitentiaries, rehabilitating criminals through labor and education. While historians neglected this topic, the article raises questions about the origins and functions of Soviet prison museums for the first time in historiography. The research is based on previously unstudied sources including archival documents, academic publications, museum guides, as well as newspaper and journal articles.

Keywords: museums, prison museums, prison reform, prison culture, Soviet Russia.

To cite: Pogorelov M., 'Penitentsiarnye muzei v Sovetskoy Rossii v 1920-e gg.' [Prison Museums in Soviet Russia in the 1920s], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 50, pp. 103–130.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-103-130

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/pogorelov.pdf>

Михаил Погорелов

Пенитенциарные музеи в Советской России в 1920-е гг.

Статья посвящена советским пенитенциарным музеям, открывавшимся в 1920-е гг. при научных учреждениях и местах заключения. Их появление было связано с институционализацией криминологических исследований в конце XIX — начале XX в. и растущим интересом к «преступному миру» и тюремной культуре. Благодаря советской пенитенциарной реформе 1918–1930 гг. и возникновению советской криминологии эта тенденция к коллекционированию и экспонированию «артефактов» преступников и заключенных получает новое идеологическое воплощение. Советский пенитенциарный музей не просто стал научным учреждением, а преследовал более широкие просветительские и агитационные цели. Экспозиции таких музеев транслировали идеологию раннесоветской тюремной реформы. Музейные выставки подчеркивали революционность и «эмансипационность» советской пенитенциарной системы, противопоставляя ее «репрессивным» царской и капиталистической тюрьмам. Артефакты и нормы тюремных субкультур представлялись в музейных экспозициях как атрибуты отжившего «тюремного быта», мешающего «перевоспитанию» заключенных. Одновременно экспонирование продукции тюремных мастерских и «самодеятельности» заключенных (прессы или творчества) должно было продемонстрировать «прогрессивный» характер советских исправительно-трудовых домов, исправляющих преступника с помощью труда и образования. В данной работе советские пенитенциарные музеи впервые рассматриваются в историографии. Исследование опирается на документы Государственного архива Российской Федерации и фондов личного происхождения Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки, а также на опубликованные источники — академические издания, газетные и журнальные публикации и музейные путеводители.

Ключевые слова: криминологические музеи, пенитенциарные музеи, пенитенциарная выставка, тюремная реформа, Советская Россия, тюрьма, заключенные.

В 1923 г. при Вятском исправительно-трудовом доме был открыт тюремный музей. Он функционировал при действующей тюрьме, а в его создании принимали участие сами заключенные. В следующем году аналогичный музей открылся в Псковском исправдоме, а в 1925 г. центральный пенитенциарный музей был организован при Государственном институте по изучению преступности и преступника. В октябре 1928 г. в Москве была проведена всесоюзная пенитенциарная выставка. Она стала крупнейшим публичным мероприятием, репрезентирующим раннесоветскую пенитенциарную реформу.

С чем была связана организация таких музеев и выставок? В этой статье я бы хотел ответить на этот вопрос и объяснить возникновение этого феномена из двух перспектив. Опираясь в своем подходе на традицию криминологических музеев с их научным интересом к «преступному», советские тюремные музеи одновременно транслировали идеологию тюремной реформы, декларировавшую превосходство советской пенитенциарной системы над дореволюционной и «капиталистической».

Михаил Александрович Погорелов
Музей истории Преображенской
психиатрической больницы
им. В.А. Гиляровского,
Москва, Россия
mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

После Октябрьской революции большевики провозгласили лозунг разрушения царской тюрьмы и построения совершенно новой пенитенциарной системы. Начавшаяся в 1918 г. с первых экспериментов Народного комиссариата юстиции, советская пенитенциарная реформа вошла в активную фазу после публикации исправительно-трудового кодекса 1924 г. и продолжалась до 1930 г. [Solomon 1980; Jakobson 1993; Wimberg 1998]. Эта реформа до сих пор малоизвестна, оставаясь в тени ГУЛАГа. Она подразумевала достаточно радикальную программу и должна была воплотить авангардные идеи мировой пенитенциарной мысли: исправительный подход и акцент на ресоциализацию осужденных, введение так называемой прогрессивной системы отбывания наказания и различных типов пенитенциарных учреждений для каждой категории заключенных. Реформа делала упор (по крайней мере в теории) на сокращение реальных тюремных сроков в пользу альтернативных наказаний. Однако здесь также важно подчеркнуть идеологический подтекст реформы. Позиционируя себя как альтернативу «капиталистическим» пенитенциарным системам, советская тюрьма должна была заменить подавляемого арестанта царских времен заключенным, обретающим сознательность и интегрирующимся в новое социалистическое общество.

Одной из отличительных черт раннесоветского дискурса о преступлении и наказании стала его «антитюремная риторика». В законодательстве, работах юристов и прессе последовательно подчеркивался отказ от атрибутов старой тюрьмы и терминологии («тюрьма», «арестант», «карцер»), стигматизирующих практик и даже тюремной дисциплины. С этим был тесно связан мотив, что царский «мертвый дом» если и должен был остаться, то в виде музея или памятника павшему царизму. Именно эту идеологию репрезентировали экспозиции пенитенциарных музеев.

Термин «пенитенциарные музеи», вынесенный в заглавие статьи, используется здесь в широком смысле. Необходимо оговорить, что рассматриваемые мною музеи имеют мало общего с современными музеями, открывающимися в бывших пенитенциарных учреждениях и связанными с так называемым темным туризмом, или с современными музеями памяти (*memorial museums*) в местах политических репрессий [Ross 2012; Стаф 2019: 792–793]. К последним можно отнести ленинградский Музей революции или Центральный музей каторги и ссылки в Москве, открывшиеся в 1920-е гг. [Музеи 1926: 210; Ленинград 1931: 359; Москва 1935: 66–67]¹. Однако в этой статье речь идет

¹ Наиболее известные царские тюрьмы, бывшие местом заточения политических заключенных, были превращены в филиалы Ленинградского музея революции: Петропавловская крепость получила статус музея в 1925 г., Шлиссельбургская крепость — в 1928 г. Центральный музей каторги

о другой категории музеев, которая практически не освещена в историографии¹. Для удобства я предлагаю называть эти музеи *пенитенциарными*, имея в виду, однако, их отличия друг от друга, различные контексты создания, целеполагания, принципы сбора экспонатов и экспонирования. И в этом смысле музеи, которые будут рассмотрены в статье, не были идентичными. Вятский и Псковский музеи назывались *тюремными*, были организованы благодаря низовой инициативе, при участии заключенных и имели скорее просветительские и «воспитательные» задачи. Музей Государственного института по изучению преступности и преступника называли *исправительно-трудовым* или *пенитенциарным*, а его функции варьировались от научных до прикладных (каталогизация изделий тюремных производств) и просветительских (организация пенитенциарной выставки в 1928 г.). Научные музеи, которые открывались в региональных криминологических кабинетах по всему СССР в 1920-е гг., были предназначены для исследовательских целей и для подготовки специалистов, но в некоторых случаях могли напоминать Вятский тюремный музей. Объединяло эти музеи и выставки то, что они выступали в качестве своеобразной «витрины» раннесоветской тюремной реформы.

Цель статьи — рассмотреть контекст, обстоятельства возникновения и функции советских пенитенциарных музеев, чтобы показать, что в послереволюционной России модель криминологического музея трансформируется в агитационное учреждение. Это продемонстрирует, в частности, как научно-исследовательская практика коллекционирования криминологических артефактов, появившаяся в конце XIX в., в раннесоветском контексте приобретает идеологические функции.

К сожалению, неизвестно, где находятся архивы и коллекции этих музеев, так же как и неизвестно, сохранились ли они в принципе. Данное исследование основано на документах, выявленных в Государственном архиве Российской Федерации, Центральном городском архиве Москвы и в архивных фондах Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки, а также на опубликованных источниках: академических изданиях, публикациях в прессе, музейных справочниках и путеводителях.

Статья состоит из трех частей. В первом разделе рассматривается появление криминологических музеев на рубеже

и ссылки Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Москве работал по крайней мере с 1926 г.

¹ Исключением является разве упоминание тюремных музеев в диссертации Э. Уимберг о советской пенитенциарной политике в 1920-е гг.: [Wimberg 1996: 134–135].

XIX–XX вв. Во второй части речь идет о раннесоветских тюремных музеях, которые открывались при местах заключения. Наконец, в третьем разделе рассматривается, как коллекции этих музеев экспонировались на всесоюзной пенитенциарной выставке 1928 г.: в данном случае меня будет интересовать экспозиционный нарратив и то, как он транслировал идеологию тюремной реформы.

Криминологические музеи

Криминологические музеи возникают вместе с позитивистской криминологией на рубеже XIX–XX вв. В данном случае под криминологическими я подразумеваю такие научные и «кабинетные» музеи, чьи коллекции использовались для исследовательских и образовательных целей и для репрезентации различных форм девиантности [Regener 2003]¹. Как и в случае других научных музеев, можно проследить генеалогию криминологических коллекций от так называемых кабинетов редкостей (нем. *Wunderkammer, Kammer*) — энциклопедических собраний предметов, появившихся в ренессансной Европе в XVI в. [Ystehede 2016]. И так как криминальная антропология претендовала на естественно-научную и медицинскую методологию, такие музеи неслучайно воспроизводили форму именно естественно-научных музеев с их систематизацией «естественных» объектов [Ystehede 2016]. Здесь важно также указать на более общий контекст. Формирование новых научных дисциплин в XIX в. приводило к появлению узкоспециализированных коллекций, а музей стал обязательным атрибутом науки и научности. Одновременно тогда же возникает феномен современного публичного музея. Практически в каждой европейской столице открывались естественно-научные и этнографические музеи, а всемирные выставки должны были демонстрировать мощь и достижения великих держав.

Криминальная антропология итальянского психиатра Чезаре Ломброзо (1835–1909) известна не только одиозной концепцией о «врожденной преступности», но и тем, что впервые предложила рассматривать преступника как «естественный» объект и изучать его «объективными» методами антропологии и медицины. По мысли Ломброзо, «преступный человек» сам по себе мог представлять «музейный образец», так как иллю-

¹ Несмотря на то что такие музеи иногда называют музеями преступности (*crime museums, criminal museums*), здесь я использую термин «криминологические музеи», так как хочу подчеркнуть их «научный» (криминологический) характер, поскольку термин «музей преступности / преступлений» используется и в случае тех музеев и коллекций, создание которых предполагает не научные цели, а скорее развлекательный характер.

стрировал характерные анатомические, физиологические и психологические характеристики [Renneville 2014: 22]. Уже сам этот факт создавал необходимость собирания и систематизации таких экспонатов. Поэтому Ломброзо сосредоточился на коллекционировании конкретных предметов, которые могли, по его мнению, репрезентировать тот или иной «преступный тип».

Впервые знаменитая коллекция Ломброзо, которую он собирал в течение нескольких десятилетий, была показана публике в 1884 г. на Туринской *Esposizione Generale Italiana* [Montaldo 2013: 100]. На I конгрессе криминальной антропологии в Риме в следующем году была представлена уже более полная экспозиция: несколько десятков черепов, посмертные маски, образцы татуировок, антропологические фотографии и даже скелет преступника [Montaldo 2013: 100–101]. Эта коллекция в результате стала основой самого известного криминологического музея — Музея психиатрии и криминологии, открытого в Турине в 1889 г. и известного сейчас как музей Ломброзо [Montaldo 2013; Gibson 2019: 232, 234–235].

На рубеже XIX–XX вв. криминологические музеи были открыты при университетах по всей Европе и Америке: в Берлине, Дрездене, Граце, Гамбурге, Лондоне, Риме, Вене, Буэнос-Айресе, Праге и других городах. Естественно, что многие из их организаторов не принимали концепцию Ломброзо и имели другой взгляд на подбор экспонатов. Так, музей французского криминолога и известного оппонента итальянской школы Александра Лакассаня при Институте судебной медицины Лионского университета был скорее «музеем преступности», чем музеем «преступного человека», демонстрируя социологические диаграммы и орудия преступлений [Кнеппер 2018: 62].

В Российской империи такие музеи также открывались при университетских центрах. После международной пенитенциарной выставки 1890 г. в Санкт-Петербурге по инициативе юриста и тюрьмоведа Ивана Фойницкого ее экспонаты были переданы Санкт-Петербургскому университету. Для их хранения и систематизации был организован кабинет уголовного права, который и возглавил Фойницкий. К 1896 г. коллекция кабинета включала до тысячи экспонатов: модели тюрем, фотографии, диаграммы, продукцию тюремных мастерских и пр. [Каталог 1896: III, 1]. Кроме того, Главное тюремное управление передало в кабинет предметы, вышедшие из употребления в тюрьмах: клейма для каторжников (клеймение было прекращено в 1863 г.), различные орудия для телесных наказаний и даже меч для смертной казни. Строго говоря, это был скорее пенитенциарный (а не криминологический) музей, который имел

мало общего с музеем Ломброзо как в плане концепции, так и в плане предметов. В середине 1920-х гг. этот музей стал частью Ленинградского музея революции [ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 7. Д. 104. Л. 20]. В 1905 г. молодой юрист Михаил Гернет (1874–1953) организовал при Московском университете музей уголовного права и криминологии [ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 16. Л. 1]. Музей продолжал существовать и после революции, став музеем криминологии при правовом отделении факультета общественных наук I МГУ [ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 16. Л. 2]¹. Это учреждение было открыто для внешних экскурсий (за 1927 г., например, его посетило более трехсот человек) и имело обширную коллекцию в несколько тысяч экспонатов, в том числе более тысячи фотографий, несколько десятков тюремных журналов и газет, альбомы татуировок, изделия заключенных и др. [ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 7. Д. 7. Л. 9–12; Ф. 1609. Оп. 7. Д. 104. Л. 15–21].

«Открытие» преступника как объекта изучения предопределило и своеобразный «этнографический» подход, выразившийся в описании и коллекционировании артефактов, связанных с опытом тюремного заключения. Подразумевалось, что изучение тюремной культуры может дать ключ к пониманию психологии преступника. Энтузиасты (главным образом юристы и психиатры) начинают собирать и изучать культурные артефакты заключенных: татуировки и граффити, фольклор, образцы арго и письма, рисунки и другие продукты творчества. В 1888 г. Ломброзо опубликовал книгу «Тюремный палимпсест», где воспроизводились и анализировались тюремные граффити [Gibson 2019: 232–233]. В 1896 г. вышло исследование французского психиатра Шарля Перрье «Преступники» [Perrier 1900], в котором были представлены фотографии, татуировки и примеры творчества заключенных. В 1926 г. была опубликована книга немецкого психиатра и известного коллекционера *art brut* Ганса Принцхорна «Творчество заключенных» [Prinzhorn 1926]. Аналогичные публикации выходили и на русском языке. Психиатр и сотрудник Государственного института по изучению преступности и преступника Павел Иванович Карпов (1873 — ?), также занимавшийся коллекционированием творчества душевнобольных, в 1929 г. опубликовал книгу «Творчество заключенных» [Карпов 1929; Гаврилов 2005; 2013; Гальцова 2011]. Эта работа была основана на изучении рисунков и скульптур из коллекции криминологического музея I МГУ.

¹ Дальнейшая судьба этой музейной коллекции неизвестна. Нет сведений о существовании этого музея начиная с 1930-х гг., что дает повод говорить о его закрытии. В данный момент при юридическом факультете МГУ функционирует музей (осн. в 1980 г.), который, однако, не является преемником музея криминологии М.Н. Гернета.

В Советской России эта тенденция получила дальнейшее развитие. Ключевую роль сыграла стремительная и беспрецедентная институционализация криминологических исследований, которая происходила в период с 1918 по 1930 г. [Kowalsky 2009; Прянишников, Хабриева, Лафитский 2015: 18–33]. В 1925 г. под патронажем НКВД РСФСР в Москве был организован Государственный институт по изучению преступности и преступника, который стал исследовательским и экспертным центром ГУМЗ. Институт объединил несколько региональных криминологических кабинетов в Саратове, Ростове-на-Дону, Ленинграде и некоторых других городах. Как правило, при таких учреждениях открывались музеи. В 1927 г. по инициативе юриста Александра Жижиленко (1873 — ?) открылся музей в Ленинградском криминологическом кабинете. Его коллекция включила фотографии преступников, инструменты для краж и орудия убийства. В дальнейшем планировалось придать музею в большей степени «пенитенциарный» характер и собирать образцы татуировок и жаргона, творчество, дневники заключенных, газеты и пр. [В криминологическом кабинете 1927: 1521; ОР РНБ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 17. Л. 1об.]. Известно, что музей существовал по крайней мере до 1933 г. Одновременно в Ленинграде функционировал Музей уголовного розыска [Ленинград 1931: 468]. Криминологические музеи были организованы при Всеукраинском кабинете по изучению преступности и личности преступника (Одесса) и при криминально-психологической секции Киевского института научно-судебной экспертизы [ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 19. Л. 21; Зиверт 1927: 839]. В 1929 г. Белорусский кабинет по изучению преступности планировал организовать музей быта и творчества заключенных. Показательны категории экспонатов, которые собирали сотрудники кабинета: поделки из дерева, хлеба и кости; дневники, переписка, печатные и стенные газеты; картины и пр. [Слупский 1929: 151].

Все эти музеи главным образом предназначались для специалистов и носили научный и образовательный характер: их посещали студенты, а также сотрудники судебных, следственных или пенитенциарных учреждений. Иногда их могли посещать экскурсии из «сторонней» публики (как в случае криминологических музеев в Ленинграде и Москве), однако они все же оставались узкоспециализированными и не входили в популярные экскурсионные и музейные маршруты второй половины 1920-х гг.

Тюремные музеи

Помимо криминологических музеев, которые открывались при научных кабинетах, существовала и другая категория — тюремные музеи при действующих местах заключения. Известно, что

в 1920-е гг. в Советской России были открыты по крайней мере два таких музея: Вятский (1923) и Псковский (1924). Наконец, особняком здесь стоит музей Государственного института по изучению преступности и преступника. Ниже я покажу, что эти тюремные музеи трансформировали модель криминологического музея — собирая коллекции, они преследовали не столько научные цели (изучение преступности и преступника), сколько просветительские и агитационные.

Тюремный музей при Вятском исправдоме открылся в 1923 г. Инициатором его создания выступил заведующий учебно-воспитательной частью Юрий Бехтерев (1888 — ?). Другим организатором стал заключенный Константин Ухтомский, который после перевода Бехтерева на работу в Москву был назначен его преемником на посту заведующего музеем. О фигуре Бехтерева стоит сказать отдельно, так как в дальнейшем он сыграл одну из ключевых ролей в раннесоветской тюремной реформе, заняв в 1925 г. должность главы культурно-просветительного отдела ГУМЗ.

Бехтерев был выпускником юридического факультета Казанского университета (1910), а после учился в петербургском Психоневрологическом институте. После революционного 1917 г. Бехтерев становится сначала председателем местного съезда мировых судей и уездного бюро юстиции Вятской губернии, а в июне 1921 г. назначен заведующим УВЧ инспекции мест заключения административного отдела Вятского губисполкома [ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 86. Д. 72].

Занимая этот пост, Бехтерев проводил криминологические обследования заключенных и взял на себя руководство журналом Вятского исправдома «За тюремной решеткой». Это было одновременно и научное издание, печатающее обзоры и статьи по криминологии, и журнал заключенных, где они публиковали свою «бытовую» прозу, публицистику и поэзию. Здесь также выражался «этнографический» подход, отмеченный выше: интерес к тюремному быту, субкультурам и повседневности тюрьмы. Задачи журнала были сформулированы как «выявление продуктов духовного творчества заключенных в самых разнообразных отраслях человеческого знания и искусства, изучение вопросов криминальной антропологии и криминальной политики при дружном содействии самих заключенных и учет наиболее ярких явлений русской тюремной жизни» [За железной решеткой 1923: I].

Тогда же Бехтерев начинает собирать коллекцию экспонатов для выставки. Следящий за актуальной научной литературой и периодикой, он был осведомлен о современных криминологических музеях за рубежом, хотя и неизвестно, имел ли

возможность посещать их. Однако очевидно, что российские (в частности, московский и петроградский) и зарубежные музеи служили ему образцами, на которые он ориентировался. Как писал Бехтерев еще в 1922 г., «собрание этих экспонатов <...> может дать очень много ценного материала для использования наукой, обществом и тюремными деятелями в целях наилучшего достижения пенитенциарных задач» [Бехтерев 1922: 15].

Первая выставка была организована в рамках «вечера тюремных настроений», который должен был «вызвать в зрителях образы мрачного прошлого в области тюремной жизни». На ней были представлены художественные работы, созданные заключенными в мастерских, а также рисунки, диаграммы и плакаты [Бехтерев 1922: 15]. Как указывал Бехтерев, задача выставки заключалась в том, чтобы «ознакомить широкие круги вятского общества с тем, что делается в настоящее время в исправительно-трудовых учреждениях Республики» [Бехтерев 1922: 15].

Формальным поводом для организации музея стало то, что у администрации скопилась достаточно большая коллекция самодельных игральных карт, конфискованных у заключенных [Ухтомский 1923: 28]. Помимо этого, основу фондов составили образцы тюремных татуировок (трафареты и рисунки) [Бехтерев 1924: 93]. Интересно, что рисовальщикам-татуировщикам было предложено организовать художественную студию под руководством профессионального художника [Ухтомский 1923: 29–30]. Другую группу экспонатов составили «камерные» изделия, подпольно сделанные в камерах во время заключения [Ухтомский 1923: 29–30]. Как заметил Ухтомский, если заключенные общих камер изготавливали предметы бытового назначения или украшения (ножи, бритвы, кошельки, мыльницы, солонки, бусы, ожерелья, четки и др.), то заключенные одиночек были склонны к созданию менее практичных предметов:

Он [заключенный] целыми днями выстрогивает палочку в виде красивой тонкой и кропотливо вырезанной спирали, или делает целый ряд концентрических колец, вращающихся на общей оси. Разные фокусы — головоломки, сделанные из сосновых стружек и щепочек, разные сделанные без склейки и гвоздей, модели замков, гремушек и т.п. поражают тонкостью и кропотливостью работы и бесполезностью затраченного времени и труда. Имея, например, в руках только отдаленное подобие перочинного ножика, сидит такой одиночка, подогнувши под себя ноги, и целыми днями, слепя себе глаза, кропотливо вырезывает из соснового полена микроскопические перышки крошечного голубя с утиной головой, или лепит из хлебного мякиша фигурки людей и животных — часто очень красиво и похоже. <...> Общее же внимание обращает на себя пара крохотных,

укладывающихся на ногте, лаптей, сплетенных заключенным сумасшедшим во время его испытания в больнице. Глядя на эту вполне безумную работу, невольно поражаешься тонкостью и точностью ее исполнения и тем запасом терпения, на какое здесь, в тюрьме, особенно в одиночном заключении, способен только арестант или сумасшедший [Ухтомский 1923: 30].

Кроме того, в музее была представлена коллекция писем заключенных, задержанных по цензурным соображениям или отображенных при обысках, в том числе письма смертников, сборник тюремных песен, записанных кружком по изучению тюремного быта, и альбом фотографий царских каторжников, сгруппированных по роду преступлений [Бехтерев 1924: 93].

Вятский музей посещали экскурсии школьников, рабочих, медицинских работников. В январе 1924 г. здесь даже побывала делегация губернского съезда советов [Бехтерев 1924: 94; Вятка 1924: 3]. Тот факт, что музей Вятского исправдома был открытым для публики, не является необычным. Хотя практика пенитенциарных туров (посещения показательных тюрем) уходила корнями в XIX в., в Советской России 1920-х гг. пенитенциарный туризм приобрел беспрецедентные масштабы. Формально любой человек мог посетить советский исправдом. Как было указано в пояснении к каталогу экспонатов ГУМЗ для выставки Всероссийского общества культурных связей с заграницей к 10-летию Октябрьской революции, «вход в советские места заключения свободен для всех желающих их посетить <...> каждому иностранцу, приезжающему в Россию, вне зависимости от его социального или партийного положения, дается возможность детально осмотреть любое место заключения» [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 158. Л. 57]. В то же время в экскурсиях по местам заключения участвовали и рядовые советские граждане. Руководство ГУМЗ специально собирало копии отзывов посетителей, придавая большое значение публичному образу новых пенитенциарных учреждений.

Подбор экспонатов показывает, что Вятский музей следовал образцу криминологического музея. Однако важно рассмотреть, как сами организаторы музея объясняли его задачи. Как подчеркивал Ухтомский, создание музея было необходимо для того, чтобы «научно зафиксировать жизнь [тюрьмы с ее обитателями и ее своеобразным укладом] и <...> все ее события и переживания» [Ухтомский 1923: 28]. Другие авторы также подчеркивали прагматическую необходимость изучения артефактов «тюремной культуры». Как объяснял искусствовед Карпов, творчество заключенных необходимо изучать для «выявления психологических особенностей» преступников, понимания «условий, порождающих преступления» и принятия мер

«к изживанию причин преступления» и исправлению преступников [Карпов 1929: 3]. Автор статьи, опубликованной в газете заключенных московского Таганского домзака «К трудовому обществу», писал примерно о том же: «Изучение творчества заключенных поможет изучить глубже и детальнее не только внутреннее содержание личности <...> заключенного, но и отдельные характерные и типичные черты жизни и быта <...> целого коллектива заключенных» [Филиппов 1928: 1].

Однако к собирательской и исследовательской функции Бехтерев добавил агитационную. Он писал, что одной из задач сотрудников музея является «пропаганда» новых пенитенциарных идей [Бехтерев 1924: 94]. Кроме того, Бехтерев подчеркивал, что многие экспонаты должны восприниматься как «остатки царской тюрьмы» с ее «некультурными развлечениями», единственной целью которых было «убить время» [Бехтерев 1925: 38]. С точки зрения советской пенитенциарной политики такие развлечения должны были быть изжиты и заменены рациональной культурно-просветительской работой, которая бы упорядочила свободное время заключенного и заполнила его образованием и культурным досугом.

Музей Псковского исправительно-трудового дома был открыт 7 ноября 1924 г. и ориентировался на пример Вятского музея, к тому времени хорошо известного по всему РСФСР. Музей состоял из трех отделов, разделенных по хронологическому принципу: (1) эпоха крепостного права; (2) период от судебной реформы 1864 г. до Октябрьской революции 1917 гг.; (3) отдел «советской культуры». Среди экспонатов были печати для клеймения, арестантская одежда царской тюрьмы, цепь, плетью-трехвостка, снимки и рисунки позорного столба и телесных наказаний, применявшихся в царской России, фотографии мест заключения и работы заключенных [Бехтерев 1925: 38]. Как писал начальник Псковского исправдома, противопоставляя отделы старого и нового быта заключенных, «музей наглядно показывает <...> заключенным, в каких условиях жили арестанты царской тюрьмы и к чему стремится советская власть, подвергая заключенных воспитательно-трудовому воздействию в современных исправдомах» [Бехтерев 1925: 40].

В конце 1925 г. по инициативе двух заключенных при Псковском исправдоме была открыта художественная мастерская. Она работала «на волю» и принимала заказы на картины, портреты, рисунки и оформление стенгазет [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 177. Л. 11–16]. В августе 1926 г. была устроена первая выставка «с целью популяризации идеи исправления», для которой было собрано более ста экспонатов. За четыре дня выставку посетили 1500 человек, что было достаточно впечатляющим

показателем для 40-тысячного Пскова. Часть картин была куплена посетителями [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 177. Л. 12–14]. 20 февраля 1927 г. была открыта вторая выставка, на которой экспонировались уже 206 предметов. Меньше чем за две недели ее посетило более четырех тысяч человек, в том числе известные иностранцы. Как объяснял начальник Псковского ИТД, выставка открылась для того, «чтобы показать гражданам <...>, что [советские] места лишения свободы не являются бывшими царскими тюрьмами, где человек [терял] человеческое достоинство» [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 177. Л. 10].

Неизвестно, открывались ли аналогичные музеи в других тюрьмах, однако есть свидетельства, что подобные предложения имели место. В 1926 г. заключенный Орловского изолятора предложил организовать при нем музей «старой царской тюрьмы». По его мнению, здание бывшего «централя», в котором располагался изолятор, «могло бы поведать о прошлом многое» и было бы «ярким выражением примера той разницы, которая лежит между царской тюрьмой и советским исправдомом» [Камкор 1926: 2]. Показательно, что инициатива в данном случае исходила снизу, хотя при этом для ее обоснования заключенный использовал «официальный» дискурс.

В июле 1925 г., уже возглавив культурно-просветительный отдел ГУМЗ, Бехтерев написал методическую статью о «музеях исправительно-трудового дела». Эта статья представляет рубежной, так как обозначила официальное изменение позиции к тюремным музеям и сместила акцент на их «воспитательную» функцию. Как указывал Бехтерев, традиционные криминологические музеи «являются только музеями-хранилищами специальных экспонатов, обслуживают узкий круг специалистов и неспособны отвечать потребностям широких масс, а тем более выполнять агитационно-пропагандистическую роль, которую мы считаем основной в работе музеев исправительно-трудового дела в местах заключения» [Бехтерев 1925: 40]. Вместо них Бехтерев предложил создавать музеи исправительно-трудового дела.

Каждый такой музей должен был иметь склад-мастерскую и выставочную часть. По примеру Псковского музея, Бехтерев предлагал разделить выставку на два основных отдела («старого» и «нового быта» заключенных), которые, в свою очередь, должны были делиться на подотделы. Последние могли иметь следующие темы: помещения, одежда, труд, культурно-просветительная работа, татуировка, «тюремный фольклор» (тюремные песни, стихи, жаргон, игры) и др. [Бехтерев 1925: 41–42]. Основным принципом экспозиции должно было стать противопоставление «дореволюционного» и «советского». Например,

в подотделе «помещения» Бехтерев предлагал сравнивать фотографии советских пенитенциарных учреждений со снимками «царских казематов, капониров, крепостей, а также различных тюремных помещений для привилегированных сословий (“дворянские камеры”) и для “черной кости” (камеры для рабочих и крестьян)». В отделе «одежда» он рекомендовал сопоставить «унизительные для человеческого достоинства» каторжные бушлаты с тузом на спине и кандалы с одеждой советских заключенных, не носивших тюремную форму [Бехтерев 1925: 42]. Только такие музеи могли убедить посетителей в том, что «современные советские исправительно-трудовые учреждения — уже не каменные мешки Запада или прежние царские казематы, а живые муравейники человеческого труда, где, за бодрящим шумом станков на собственных фабриках-заводах и в мастерских или за умственной работой в школе или в клубе выправляется искривленная тяжкой борьбой за существование человеческая личность и приспособляется к условиям честного трудового существования» [Бехтерев 1925: 40].

В данном случае воспроизводился универсальный нарратив, на котором строился большевистский послереволюционный проект в целом и который был повсеместно распространен в советских музеях, состоящий в противопоставлении советского и дореволюционного. Так, в конце 1920-х гг. этнографические музеи начинают использовать аналогичный экспозиционный принцип, подчеркивающий превосходство советской национальной политики над царской [Баранов 2010: 36–37; Петряшин 2018: 148].

Для координации, в соответствии с планом Бехтерева, эти музеи нужно было подчинить специальному музейному центру при Государственном институте по изучению преступности и преступника. Такой центр занимался бы распределением финансирования, рассылал методическую литературу и обеспечивал обмен экспонатами [Бехтерев 1925: 43]. Там же Бехтерев высказывал пожелание объединить усилия Центрального уголовного розыска и ГУМЗ по созданию единого Государственного криминологического музея [Бехтерев 1925: 44].

Бехтерев не первый предложил идею организовать единый пенитенциарный музей. По крайней мере в 1921 г. российский юрист и консультант Центрального исправительно-трудового отдела Народного комиссариата юстиции Сергей Познышев собирался открыть при этом ведомстве Пенитенциарный институт с музеем, но этот план не был реализован [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 234. Л. 19об.; Познышев 1926: 264]. Однако в 1925 г. Бехтереву была предоставлена возможность воплотить собственные рекомендации в жизнь. Пенитенциарный музей

был организован при Государственном институте по изучению преступности и преступника в 1925 г. Судя по всему, он и должен был реализовать идею Бехтерева о музейном центре¹. По просьбе известного юриста и заместителя директора института Михаила Гернета ГУМЗ запросило у московских мест заключения предметы, связанные со старой тюрьмой: кандалы, подкандалники, комплекты старой тюремной одежды и пр. [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 136. Л. 25–26]. Кроме того, из тюрем передавались фотографии, стенные и печатные газеты, журналы заключенных, альбомы татуировок и песен. Так, из Сокольнического и женского исправительно-трудовых домов был переданы сборники песен заключенных, а из Московского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей — альбомы татуировок. Заведующий музеем Борис Павлович Ильинский даже получил пропуск в места заключения для осмотра и отбора для музея предметов, конфискованных у заключенных [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 136. Л. 57]. К 1929 г. коллекция музея насчитывала уже более 2500 экспонатов [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 136. Л. 64].

Музей был разделен на четыре отдела:

- пенитенциарный: здесь была представлена культурно-просветительная работа, труд и производство в местах заключения;
- криминалистический, в котором собирались орудия преступлений;
- отдел старой тюрьмы;
- общий отдел, где была собрана статистика, альбомы татуировок, творчество заключенных и пр. [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 136. Л. 64].

Круг экспонатов музея ГИИПП все-таки был шире традиционных криминологических коллекций. Еще в августе 1926 г. ГУМЗ решил организовать при музее ГИИПП постоянную выставку продукции мест заключения. Как объяснялось, это было нужно не столько для научных целей, сколько для практических. Коллекция образцов изделий должна была облегчить взаимодействия между предприятиями и мастерскими мест заключения и их потенциальными заказчиками. Был выпущен специальный циркуляр, который предписывал рабочие части мест заключения

¹ В своей статье Бехтерев упоминает об открытии в Москве в июле 1925 г. Центрального музея конвойного и исправительно-трудового дела. Вероятнее всего, под ним он имел в виду музей ГИИПП, официальный приказ об открытии которого вышел тогда же [Бехтерев 1925: 44]. Однако фактически институт начинает работать в октябре 1925 г., а музей — не ранее декабря того же года, так как только тогда для него было найдено помещение в бывшем зубоврачебном кабинете Ивановского исправдома. Экспонаты начали собирать в начале 1926 г. [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 7. Л. 121–122].

присылать по одному экземпляру от выпускаемой ими продукции [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 3. Д. 296. Л. 1-2]. К декабрю музей получил несколько сотен образцов из более чем сорока тюрем. В итоге скопилось приличная коллекция, включавшая самые разные изделия: одежду, обувь, мебель, бакалейные изделия, игрушки, модели тюрем, кирпичи, ящики, шахматы и даже громоотвод [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 3. Д. 296. Л. 58-63, 82-88].

Вероятнее всего, музей ГИИПП был закрыт в 1930-е гг. В 1931 г. институт был передан в ведение Народного комиссариата юстиции РСФСР и в результате «разгрома» советской криминологии как науки и вытеснения ключевых ученых из этой области постепенно потерял свой исследовательский характер. В феврале 1931 г. на должность заведующего музеем был назначен М.Н. Гернет, который до этого занимал пост главы социально-экономической секции и фактически был идейным лидером института [ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 2. Л. 18; Прянишников, Хабриева, Лафитский 2015: 47-48]. Тот факт, что должность заведующего музеем стала «опальной», можно интерпретировать таким образом, что это учреждение потеряло свое бывшее значение. В дальнейшем упоминания о музее практически не встречаются в публикациях или архивных документах. Известно, что в 1935 г. при институте (переименованном к тому моменту в Научно-исследовательский институт уголовной политики) планировалось организовать криминалистический музей [ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 67. Л. 151]. Однако неизвестно, должен ли он был стать частью старого музея или же заменить его. В декабре 1935 г. Наркомюст выпустил циркуляр, предписывающий прокурорам и судьям на местах прислать в музей вещественные доказательства: орудия преступлений, приспособления для взломов и краж, приборы для подделки печатей, штампов или госзаказов, подложные документы, фотографии с мест преступлений и пр. Как видно из этого списка, к тому моменту музей приобрел скорее криминалистический характер, а коллекция использовалась исключительно при подготовке судебных и следственных кадров [ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 67. Л. 151-153]. Последними в перечне шли предметы, «характеризующие преступный мир»: образцы татуировок, рисунков, стихов, а также шифров и условных знаков [ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 67. Л. 151-153]. Очевидно, однако, что их также предполагалось использовать для подготовки сотрудников, а не в научно-исследовательских целях или для экспонирования.

Сложно провести четкую грань между советскими криминологическими и тюремными музеями. Даже научные музеи вполне сознательно транслировали идеологическое содержание. Так, музей при Киевском институте научно-судебной экспертизы

в 1927 г. организовал специальный пенитенциарный отдел, который имел «политические» задачи и должен был «дать представление о буржуазной тюрьме, нашей дореволюционной тюрьме и суммировать опыт нашей советской работы в области пенитенциарий» [Зиверт 1927: 839]

С одной стороны, Вятский и Псковский тюремные музеи в своем подходе воспроизводили модель классического криминологического музея, собирая и систематизируя артефакты, связанные с тюрьмой и опытом заключения. С другой, однако, эти коллекции осмыслялись и репрезентировались через призму идеологии советской тюремной реформы. В экспозициях таких музеев подчеркивалось противопоставление репрессивной царской тюрьмы и советского исправдома. В свою очередь, Музей Государственного института по изучению преступности и преступника также выходил за рамки просто научного музея, выполняя одновременно организаторские и прикладные функции.

Пенитенциарная выставка 1928 г.

Всесоюзная пенитенциарная выставка открылась 19 октября 1928 г. в Политехническом музее в Москве. Организованная ГУМЗ и ГИИПП и приуроченная к I всесоюзному пенитенциарному совещанию, она была открыта для посещения всех желающих в течение нескольких недель. Выставка должна была продемонстрировать успехи советской пенитенциарной реформы.

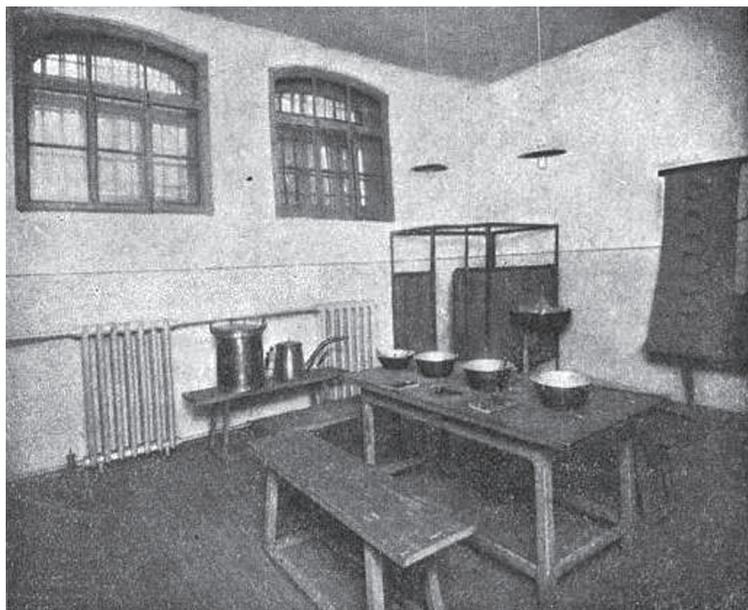
Традиция пенитенциарных конгрессов и выставок существовала по крайней мере с последней четверти XIX в. Сложно сказать, в какой мере советские реформаторы опирались именно на нее, однако уже само совпадение показательно. В этом разделе я рассмотрю, как коллекции музея ГИИПП экспонировались на пенитенциарной выставке 1928 г., предварительно сравнив последнюю с двумя большими экспозициями, организованными царским Главным тюремным управлением, — международной тюремной выставкой 1890 г. и тюремным отделом Царско-сельской выставки 1911 г.

Международные пенитенциарные конгрессы (проводились с 1872 г.) собирали национальные делегации со всего мира, которые должны были продемонстрировать «современность» и «цивилизованность» своих пенитенциарных систем, тем самым улучшив репутацию своей страны на международной арене [Shafir 2014: 72–93]. И так как они комбинировали формы промышленных выставок, научных конгрессов и пенитенциарных туров, неудивительно, что в рамках каждого конгресса проводились экскурсии по показательным тюрьмам, а на неко-

торых представлялись полноценные выставочные экспозиции. Так, на Стокгольмском тюремном конгрессе 1878 г. была организована выставка изделий заключенных, а к следующему конгрессу в Риме построили специальную галерею с одиночными камерами в натуральную величину и с полностью воспроизведенной обстановкой [СР 1879: 727–752; СР 1888: 7–100]. Тем не менее Санкт-Петербургская тюремная выставка превосходила их и по масштабам, и по амбициям. Она была открыта в июне 1890 г. в Михайловском манеже в рамках международного тюремного конгресса, проходившего в те же дни в российской столице.

Выставка имела три отдела: первый был посвящен учреждениям для несовершеннолетних правонарушителей, второй — одиночным тюрьмам, третий — общим местам заключения. Эти отделы были разделены между 17 павильонами стран-участниц. Естественно, что наибольшую экспозиционную площадь (3/5 всей выставки) имела принимающая сторона — Главное тюремное управление Российской империи [Каталог 1890: 1]. В экспозиции были представлены самые разные экспонаты: фотографии пенитенциарных учреждений и заключенных, картограммы и диаграммы, модели тюрем и тюремного транспорта, манекены (заключенных и надзирателей) и пр. [Крылова 2017: 288]. Наибольшее внимание посетителей привлекла модель серебряно-свинцового рудника Нерчинской каторги, выполненная в натуральную величину. Для этого в помещении манежа была насыпана искусственная горка с прорубленной штольной, на вершине которой была сооружена изба: из нее выезжала вагонетка с рудой, а картину дополняли манекены каторжников [Прогулка 1890: 22]. Однако основу экспозиций составляла продукция тюремных производств — сотни предметов, созданных руками заключенных. Эффектная с визуальной точки зрения и грандиозная по масштабам, тюремная выставка тем не менее не имела четкого идеологического содержания.

Царскосельская выставка, приуроченная к 200-летию Царского села, открылась 10 августа 1911 г. Специально для нее Главное тюремное управление подготовило экспозицию в отдельном павильоне. Концепция тюремного отдела и подбор экспонатов показывают, что руководство ГТУ подчеркивало успехи тюремной реформы, модернизацию пенитенциарной системы и строительство новых, основанных на «научных» принципах тюрем [Тюремный отдел 1911: 3]. Так, здесь была воссоздана камера Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, оснащенная современным оборудованием, а на столе были даже выставлены образцы пищи заключенных, сделанные из папье-маше. Вероятно, это должно было продемонстрировать, что ГТУ стремится

Ил. 1. Тюремный отдел Царскосельской выставки.
Общая камера с полным инвентарем [Тюремный отдел 1911: 10]

обеспечить заключенных высоким уровнем санитарных и бытовых условий (ил. 1).

Основной акцент был сделан на тюремных производствах. Как указывалось в каталоге отдела, экспонаты выставки «явились блестящим и в значительной мере неожиданным для широкой публики показателем современного состояния этого дела в наших тюрьмах, которые представлялись многим местом праздного времяпрепровождения и школою порока и разврата» [Художественно-иллюстрированный исторический альбом 1911: 200]. Здесь демонстрировались изделия тюремных мастерских и патронатных учреждений. Один из отделов был обставлен как мастерская военного обмундирования, изготовлявшегося заключенными по государственным заказам.

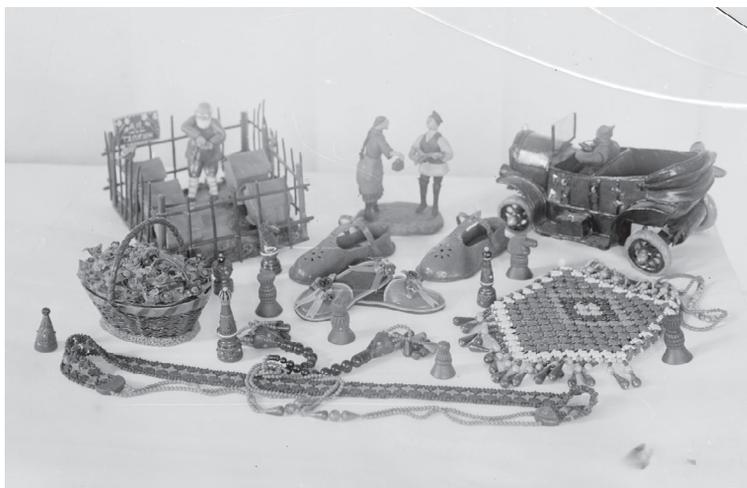
Всесоюзная пенитенциарная выставка 1928 г. явно уступала по масштабам выставке 1890 г., однако имела более последовательную идеологическую концепцию. Специально для нее Государственный институт и ГУМЗ запросили экспонаты с мест. Всего на выставке были представлено более ста экспонатов из 20 пенитенциарных учреждений [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 189. Л. 66]. Как указывалось в отчете, опубликованном в ведомственном журнале «Административный вестник», «выставка ставила своей задачей не только популяризовать среди широких кругов советской общественности принципы исправительно-трудового дела, но и наглядно показать методы работы в советских

исправительно-трудовых учреждениях» [Хроника 1928: 65]. Выставка получила хорошую прессу и достаточно широкую аудиторию: всего за несколько недель ее посетило более 40 тыс. человек, включая экскурсии с фабрик, заводов и различных государственных учреждений [Хроника 1928: 65]. Здесь же работал магазин объединения торговых предприятий московских мест заключения, продавший товаров на сумму 14 тыс. руб. [Хроника 1928: 66].

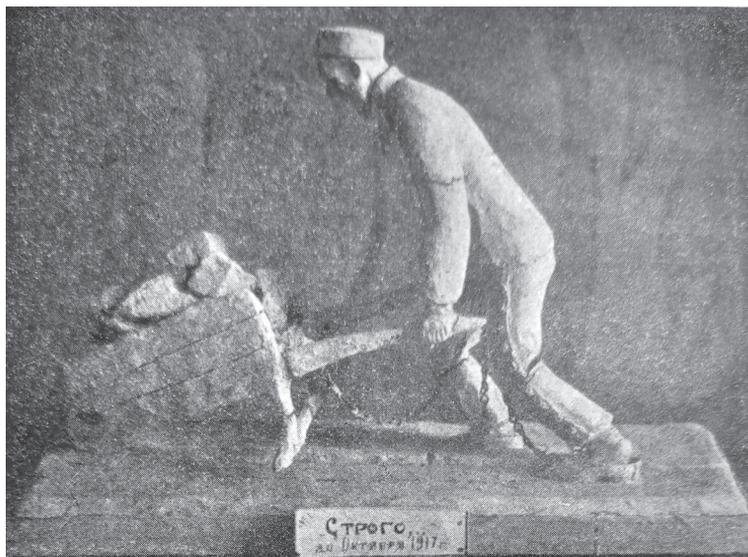
Первый павильон был посвящен царской тюрьме: в нем демонстрировались «неизбежные атрибуты старой каторги»: плеть, розги, кандалы, наручники, подкандалники, арестантская одежда, колоды, этапные цепи, макеты каторжан, модели сахалинских и сибирских каторжных тюрем, фотографии Шлиссельбургской крепости и пр.

Три других павильона освещали советскую исправительно-трудовую политику [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 189. Л. 64–66]. Здесь была представлена продукция предприятий и мастерских мест заключения, диаграммы, подготовленные Государственным институтом, альбомы и пр. [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 189. Л. 66; Филиппов 1928: 1]. «Эмансипационное» начало советского исправдома должны были подчеркнуть продукты «самодеятельности» заключенных, в том числе газеты и журналы.

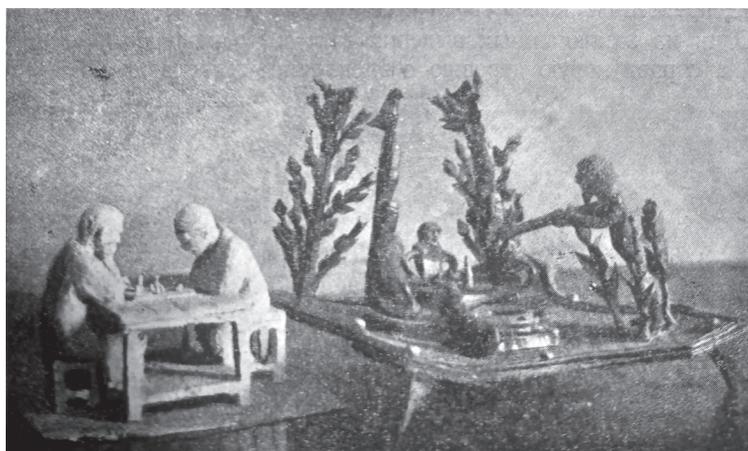
Важное место в экспозиции занимал отдел творчества заключенных. Раннесоветская пенитенциарная теория предполагала, что «художественная самодеятельность» и творчество должны быть частью процесса «перевоспитания» заключенных. Кроме того, советская власть как бы «легализовала» тюремное творче-

Ил. 2. Экспонаты всесоюзной пенитенциарной выставки 1928 г. (изделия из хлеба). РГАКФД. Ед. хр. 241-195

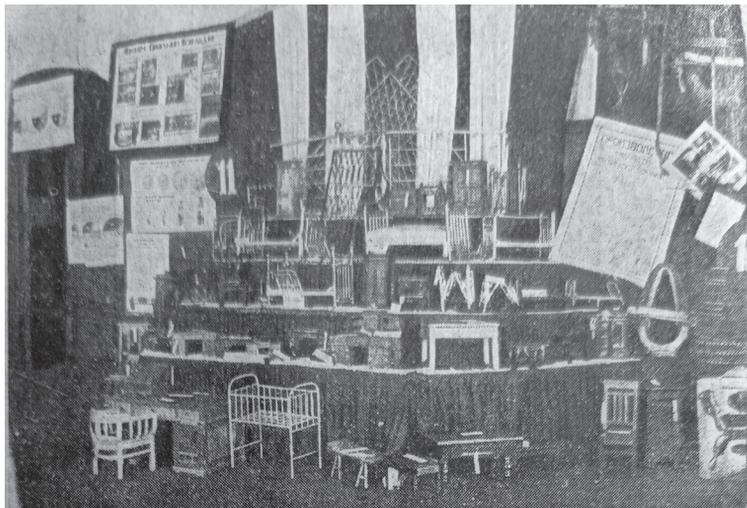

Ил. 3. Каторжник (скульптура) [Карпов 1929: 71]

Ил. 4. Шахматисты (скульптура) [Карпов 1929: 71]

ство, которое до этого было запрещено. Интересно, что в своем отзыве заключенный Таганского домзака Н.П. Филиппов раскритиковал художественный отдел выставки за его «тюремный» характер. По его мнению, поделки из хлебного мякиша и соломки, которые были представлены на выставке, носили «шаблонный и примитивный характер». Филиппов призывал отказаться от старых тюремных методов и материалов, предлагая открыть в местах заключения полноценные художественные студии: «жевание хлеба и мучительное растирание его с ядовитыми красками на руках должно быть изгнано <...> жеваное тесто должны заменить мастика, паста, глина, гипс и т.д.» [Филиппов 1928: 1].

Ил. 5. Экспонаты всесоюзной пениденциарной выставки 1928 г.: продукция мебельной мастерской [Хроника 1928: 65]

Мотив противопоставления царской тюрьмы и советского исправдома можно увидеть на примере конкретных работ. Так, заключенный Лефортовского изолятора вылепил фигурку каторжника, изобразив типичный образ царской карательной системы: арестант одет в робу с бубновым тузом на спине, в ножных кандалах и прикован к тачке. И хотя каторга была отменена еще Временным правительством в марте 1917 г., экспликация сообщала: «строго, до октября 1917 г.» (ил. 3). Тот же автор вылепил двух заключенных, играющих в шахматы (ил. 4), противопоставляя культурный досуг заключенных советского исправдома каторжному труду царских арестантов [Карпов 1929: 71].

Отзывы, которые фиксировались и собирались сотрудниками ГУМЗ, показывают, что идеологический подтекст выставки без труда считывался ее посетителями. В то время как один из них отмечал колоссальную разницу «между настоящим положением и тем, что было до Октябрьской революции», другой писал, что от выставленных в качестве экспонатов кандалов «веет ужасом старого романовского строя» [ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 1. Д. 72. Л. 16–17, 24].

Заключение

Криминологические музеи получили повсеместное распространение в связи с институционализацией криминологических исследований в конце XIX — начале XX в. и ростом научного интереса к преступности и культуре заключенных. В статье я предложил рассматривать появление раннесоветских пени-

тенициарных музеев в 1920-е гг. именно в этом контексте. Возникшие благодаря низовым инициативам отдельных энтузиастов (криминологов, тюремных администраторов или даже заключенных) пенитенциарные музеи оказались востребованы Главным управлением мест заключения, которое увидело в них возможность распространять и популяризировать новые пенитенциарные идеи. В результате в 1925 г. при Государственном институте по изучению преступности и преступника создается музей исправительно-трудового дела, а в 1928 г. проводится всесоюзная пенитенциарная выставка.

Функции советских пенитенциарных музеев не были ограничены задачами коллекционирования и исследования. Эти учреждения были не просто хранилищами артефактов, а преследовали просветительские и агитационные цели. Музеи транслировали идеологию советской тюремной реформы и представляли публике советские пенитенциарные учреждения как альтернативу дореволюционным / капиталистическим тюрьмам. Экспозиционный нарратив, подбор экспонатов и комментарии к ним выстраивались таким образом, чтобы подчеркивать разницу между «репрессивной» царской тюрьмой и «прогрессивной» советской пенитенциарной системой.

Демонстрируя предметы (карты, татуировки, изделия) и социальные нормы тюремных субкультур, музейные экспозиции обличали их как атрибуты дореволюционного «тюремного быта», мешавшие заключенным «перевоспитаться» и обрести «социалистическую» сознательность. Продукция тюремных мастерских, творчество заключенных, газеты и журналы мест заключения представляли образ «идеального» советского пенитенциарного учреждения, в котором заключенному давалось право на труд, инициативу, «самодеятельность» и реализацию своего творческого потенциала.

В конце 1920-х гг. политический климат в стране изменился. В 1930 г. в результате упразднения НКВД РСФСР тюремная реформа ГУМЗ была свернута, Государственный институт по изучению преступности и преступника был передан Наркомюсту, а научные исследования его сотрудников фактически прекратились. Вместе с отказом от реформы ГУМЗ, вытеснением из этой сферы экспертов и началом сталинского ГУЛАГа криминологические и тюремные музеи более не были востребованы. Дальнейшая судьба их коллекций неизвестна.

Список сокращений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГИИПП — Государственный институт по изучению преступности и преступника

ГТУ — Главное тюремное управление Министерства юстиции Российской империи

ГУМЗ — Главное управление мест заключения Народного комиссариата внутренних дел РСФСР

ИТД — исправительно-трудовой дом

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ФР РГБ — Фонд рукописей Российской государственной библиотеки

ЦГА Москвы — Центральный городской архив Москвы

Архивные материалы

ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 67. Циркуляры, инструкции, приказы НКЮ, № 101–150. 1935 г.

ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 234. Положение об Институте советского права, штаты и переписка об организации отдела криминологии при секции судебного права и криминологии Института советского права при МГУ. 1921 г.

ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 1. Д. 72. Выписки из книги отзывов посетителей о [пенитенциарной] выставке и сведения о составе делегатов I Всесоюзного совещания пенитенциарных деятелей. 1928 г.

ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 3. Д. 296. Переписка с Государственным институтом по изучению личности преступника, с губернскими инспекциями мест заключения и начальниками губернских исправительно-трудовых домов о высылке в ГУМЗ и институт по изучению преступника образцов изделий рабочих частей мест заключения.

ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 158. Материалы об организации передвижных заграничных выставок-экспонатов работы заключенных к 10-летию Октября (протоколы, доклады, смета, план и другие). 1927 г.

ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 177. Доклад начальника Псковского губернско-исправительно-трудового дома об открытии 2-й художественно-живописной выставки картин, написанных заключенными, и приложения к докладу.

ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 189. Тезисы доклада ко II Всесоюзному совещанию по общему самообразованию.

ОР РНБ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 17. Тезисы к докладу А.А. Жижиленко. 1927 г.

ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 2. Документы о служебной деятельности [М.Н. Гернета].

ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 16. [Гернет М.Н.] Краткие воспоминания о моей университетской работе после Октябрьской революции.

ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 19. Материалы о создании Всеукраинского кабинета по изучению преступности и личности преступника.

ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 7. Д. 7. Годовые отчеты по отделениям, библиотекам, читальным залам, кабинетам и музею факультета на 1923–1924 учебный год.

ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 7. Д. 104. Годовые отчеты по кабинетам. 1926–1927 гг.

Источники

- Б[ехтерев] Ю.* К 1-й годовщине организации учебно-воспитательного дела в Вятском исправительно-трудовом доме // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 35. С. 15.
- Бехтерев Ю.Ю.* Вятский тюремный музей // Право и жизнь. 1924. № 7–8. С. 90–94.
- Бехтерев Ю.Ю.* Музейное дело как одна из форм внешкольной культурно-просветительной работы в местах заключения // Административный вестник. 1925. № 11. С. 37–44.
- В криминологическом кабинете Ленинградского губсуда // Рабочий суд. 1927. № 19 (131). С. 1521.
- Вятка, 7 января 1924 года // За железной решеткой. 1924. № 1. С. 1–4.
[За железной решеткой] // За железной решеткой. 1923. № 6. С. 1.
- Зиверт В.А.* Киевский Институт Научно-Судебной Экспертизы и его работа в области изучения преступника и преступности // Вестник советской юстиции. 1927. № 24. С. 838–839.
- Камкор.* О музее // Через труд к свободе. Орган учебно-воспитательной части Орловского изолятора специального назначения. 1926. № 3 (15). С. 2.
- Карпов П.И.* Творчество заключенных: рисунки, скульптура и работы мастерских. М.: НКВД (типо-лит. им. т. Воровского), 1929. 82 с.
- Каталог кабинета уголовного права при императорском Санкт-Петербургском университете. СПб.: Б.и., 1896. IV+76 с.
- Каталог Международной тюремной выставки: официальное издание. Список членов Комитета Выставки / IV Международный тюремный конгресс, С.-Петербург, июнь 1890 г. СПб.: Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1890. IV с.
- Ленинград. Путеводитель: История. Экономика. Прогулки по городу. Музеи. Справочник. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 516 с.
- Москва: справочник. 1935 г. М.: Строительство Москвы, 1935. 209 с.
- Музеи и достопримечательности Москвы. М.: Изд-во М.К.Х., 1926. VIII+469 с.
- Познышев С.В.* Криминальная психология: преступные типы. Л.: Гос. изд-во, 1926. 255 с.
- Прогулка по Михайловскому манежу: международная тюремная выставка. СПб.: Б.и., 1890. 32 с.
- Слупский С.Н.* Белорусский кабинет по изучению преступности // Ширвиндт Е., Траскович Ф., Гернет М. (ред.). Проблемы преступности: Сб. Вып. 4. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1929. С. 149–151.
- Тюремный отдел Царскосельской юбилейной выставки в 1911 году. СПб.: Главное тюремное управление, 1911. 42 с.
- Ухтомский К.* Тюремный музей // За железной решеткой. 1923. № 4. С. 28–31.
- Филиппов Н.* О творчестве заключенных (в порядке предложения) // К трудовому обществу. 1928. № 10. С. 1.
- Хроника: 1-я Всесоюзная пенитенциарная выставка // Административный вестник. 1928. № 11. С. 64–66.
- Художественно-иллюстрированный исторический альбом Царскосельской юбилейной выставки 1911. СПб.: Клебанов, 1911. 272 с.

- [CP 1879] Congrès pénitentiaire international de Stockholm, 15–26 août 1878. Stockholm: Bureau de la Commission pénitentiaire internationale, 1879. T. 2: Mémoires et rapports sur l'état actuel des prisons et du régime pénitentiaire. 872 p.
- [CP 1888] Actes du Congrès pénitentiaire international de Rome, novembre 1885. Rome: Mantellate, 1888. T. 3. Pt. 2. 136 p.
- Perrier Ch.* Les criminels: étude concernant 859 condamnés. P.: Masson et C., 1900. 486 p.
- Prinzhorn H.* Bildneri der Gefangenen: Studie zur Bildnerischen Gestaltung Ungeübter. B.: Axel Juncker Verlag, 1926. 60 S., 88 Bl.

Библиография

- Баранов Д.А.* Этнографический музей и «рационализация системы» // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 26–43.
- Гаврилов В.В.* П.И. Карпов: биографические сведения // Гаврилов В.В. (ред.). Искусство аутсайдеров: путеводитель. Ярославль: ИНЫЕ, 2005. С. 87–88.
- Гаврилов В.В.* Павел Иванович Карпов — неутомимый исследователь творчества душевнобольных и его время. Сообщение 3 // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013. № 6 (23). Online. <http://www.mprj.ru/archiv_global/2013_6_23/nomer/nomer15.php>.
- Гальцова Е.Д.* Книга П.И. Карпова «Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники» (1926 г.) в европейском культурном контексте. Материалы к исследованию // Новые российские гуманитарные исследования. 2011. <<http://www.nrgumis.ru/articles/278/>>.
- Крылова Н.* Нерчинская каторга: этнографический взгляд на Российскую империю в фотографиях «видов и типов» последней четверти XIX века // Новое литературное обозрение. 2017. № 144 (2). С. 285–311.
- Петрашин С.* Соцреализм и этнография: изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг. // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 143–175. doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-143-175.
- Прянишников Е.А., Хабриева Т.Я., Лафитский В.И.* (ред.). Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 568 с.
- Стаф В.* Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа // Quaestio Rossica. 2019. № 7 (3). С. 791–800.
- Gibson M.* Italian Prisons in the Age of Positivism, 1861–1914. L.: Bloomsbury, 2019. 320 p.
- Jakobson M.* Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System, 1917–1934. Lexington: The University Press of Kentucky, 1993. 182 p.
- Knepper P.* Laughing at Lombroso: Positivism and Criminal Anthropology in Historical Perspective // Triplett R.A. (ed.). The Handbook of the His-

- tory and Philosophy of Criminology. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2018. P. 49–66.
- Kowalsky Sh.A.* Deviant Women: Female Crime and Criminology in Revolutionary Russia, 1880–1930. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. 330 p.
- Montaldo S.* The Lombroso Museum from Its Origins to the Present Day // Knepper P., Ystehede P.J. (eds.). The Cesare Lombroso Handbook. L.: Routledge, 2013. P. 98–112.
- Regener S.* Criminological Museums and the Visualization of Evil // Crime, Histoire et Sociétés / Crime, History and Societies. 2003. No. 1. P. 43–56. doi: 10.4000/chs.604.
- Renneville M.* Exploring the History of French Criminology (1885–1939): The Case of the Archives de l'Anthropologie Criminelle // Criminocorpus. Histoire de la criminologie. Autour des Archives d'anthropologie criminelle 1886–1914, 1. La revue et ses hommes. 2014, 30 juin. <<https://journals.openedition.org/criminocorpus/2753>>.
- Ross J.I.* Touring Imprisonment: A Descriptive Statistical Analysis of Prison Museums // Tourism Management Perspectives. 2012. No. 4. P. 113–118. doi: 10.1016/j.tmp.2012.07.001.
- Shafir N.* The International Congress as Scientific and Diplomatic Technology: Global Intellectual Exchange in the International Prison Congress, 1860–90 // Journal of Global History. 2014. No. 9 (1). P. 72–93. doi: 10.1017/S1740022813000508.
- Solomon P.H.* Soviet Penal Policy, 1917–1934: A Reinterpretation // Slavic Review. 1980. No. 2. P. 196–217. doi: 10.2307/2496785.
- Wimberg E.M.* Replacing the Shackles: Soviet Penal Theory, Policy and Practice, 1917–1930. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 1998. 207 p.
- Ystehede P.J.* Contested Spaces. On Crime Museums, Monuments, and Memorials // Knepper P., Johansen A. (eds.). The Oxford Handbook of the History of Crime and Criminal Justice. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 338–352.

Prison Museums in Soviet Russia in the 1920s

Mikhail Pogorelov

Museum of Preobrazhensky Psychiatric Hospital
20-1 Matrosskaya Tishina Str., Moscow, Russia
mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

The paper is devoted to the history of early Soviet prison museums which were opened and operated at research institutes and penitentiaries in the 1920s. It proposes to consider these museums within the context of positivist criminology that emerged in the late 19th and early 20th century. The increasing interest in criminal and prison culture motivated scholars and enthusiasts to collect and exhibit

objects related to criminals and prisoners. Developing the model of the criminological museum, the Soviet prison museum pursued not only a purely scientific goal but had different functions. By comparing the Soviet penal system to its Tsarist counterpart, prison museums emphasized the revolutionary and emancipatory nature of the former. Representing artifacts (playing cards, tattoos, hand-made prison tools) and the rules of inmate subcultures, museum expositions condemned it as symbols of the old Tsarist prison. The exhibitions with prison factory products (manufactured goods and handicrafts) and samples of inmate initiatives and creativity (newspapers, journals or artwork) had to demonstrate the progressiveness of Soviet penitentiaries, rehabilitating criminals through labor and education. While historians neglected this topic, the article raises questions about the origins and functions of Soviet prison museums for the first time in historiography. The research is based on previously unstudied sources including archival documents, academic publications, museum guides, as well as newspaper and journal articles.

Keywords: criminological museums, prison museums, prison reform, prison culture, Soviet Russia.

References

- Baranov D. A., 'Etnograficheskiy muzey i "ratsionalizatsiya sistemy"' [Ethnographic Museum and the "Rationalization of a System"], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 4, pp. 26–43. (In Russian).
- Galtsova E. D., 'Kniga P. I. Karpova "Tvorchestvo dushevnobolnykh i ego vliyaniye na razvitiye nauki, iskusstva i tekhniki" (1926 g.) v evropeyskom kulturnom kontekste' [P. I. Karpov's "Art Brut and Its Influence on Science, Art and Technology" (1926) in the European Cultural Context], *Novye gumanitarnye issledovaniya*, 2011. <<http://www.nrgumis.ru/articles/278/>>. (In Russian).
- Gavrilov V. V., 'P. I. Karpov: biograficheskie svedeniya' [P. I. Karpov: Biographical Information], *Iskusstvo autsayderov: putevoditel* [Art Brut: Guide]. Yaroslavl: INYE, 2005, pp. 87–88. (In Russian).
- Gavrilov V. V., 'Pavel Ivanovich Karpov — neutomimyy issledovatel tvorchestva dushevnobolnykh i ego vremya... Soobshchenie 3' [Pavel Ivanovich Karpov — an Assiduous Researcher of Art Brut and His Time. Part 1], *Medicinskaya psihologiya v Rossii: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2013, no. 6 (23). <http://www.mprj.ru/archiv_global/2013_6_23/nomer/num15.php>. (In Russian).
- Gibson M., *Italian Prisons in the Age of Positivism, 1861–1914*. London: Bloomsbury, 2019, 320 pp.
- Jakobson M., *Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System, 1917–1934*. Lexington: The University Press of Kentucky, 1993, 182 pp.
- Knepper P., 'Laughing at Lombroso: Positivism and Criminal Anthropology in Historical Perspective', Triplett R. A. (ed.), *The Handbook of the History and Philosophy of Criminology*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2018, pp. 49–66.

- Kowalsky Sh. A., *Deviant Women: Female Crime and Criminology in Revolutionary Russia, 1880–1930*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009, 330 pp.
- Krylova N., ‘Nerchinskaya katorga: etnograficheskiy vzglyad na Rossiyskuyu imperiyu v fotografiyakh “vidov i tipov” posledney chetverti XIX veka’ [The Nerchinsk Katorga: An Ethnographic View of the Russian Empire in Photographs of “Types and Species” during the Final Quarter of the Nineteenth Century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 144 (2), pp. 285–311. (In Russian).
- Montaldo S., ‘The Lombroso Museum from its Origins to the Present Day’, Knepper P., Ystehede P. J. (eds.), *The Cesare Lombroso Handbook*. London: Routledge, 2013, pp. 98–112.
- Petriashin S., ‘Sotsializm i etnografiya: izuchenie i reprezentatsiya sovetskoy sovremennosti v etnograficheskom muzee 1930-kh gg.’ [Socialist Realism and Ethnography: The Study and Representation of Soviet Contemporaneity in Ethnographic Museums in the 1930s], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 39, pp. 143–175. (In Russian). doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-143-175.
- Pryanishnikov Ye. A., Khabrieva T. Ya., Lafitskiy V. I. (eds.), *Stranitsy istorii i ocherki o nauchnykh shkolakh Instituta zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri pravitelstve Rossiyskoy Federatsii* [History of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation]. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2015, 568 pp. (In Russian).
- Regener S., ‘Criminological Museums and the Visualization of Evil’, *Crime, Histoire et Sociétés / Crime, History and Societies*, 2003, no. 1, pp. 43–56. doi: 10.4000/chs.604.
- Renneville M., ‘Exploring the History of French Criminology (1885–1939): the Case of the Archives de l’Anthropologie Criminelle // Criminocorpus, revue hypermédia, Criminocorpus, 2014. <<https://journals.openedition.org/criminocorpus/2753>>.
- Ross J. I., ‘Touring Imprisonment: A Descriptive Statistical Analysis of Prison Museums’, *Tourism Management Perspectives*, 2012, no. 4, pp. 113–118. doi: 10.1016/j.tmp.2012.07.001.
- Shafir N., ‘The International Congress as Scientific and Diplomatic Technology: Global Intellectual Exchange in the International Prison Congress, 1860–90’, *Journal of Global History*, 2014, vol. 9, no. 1, pp. 72–93. doi: 10.1017/S1740022813000508.
- Solomon P. H., ‘Soviet Penal Policy, 1917–1934: A Reinterpretation’, *Slavic Review*, 1980, no. 2, pp. 196–217. doi: 10.2307/2496785.
- Staf V., ‘Tomskiy muzey “Sledstvennaya tyurma NKVD”: problemy memorializatsii GULAGA’ [The Tomsk NKVD Prison Museum: Issues of the Memorialisation of Gulag], *Quaestio Rossica*, 2019, no. 7 (3), pp. 791–800. (In Russian).
- Wimberg E. M., *Replacing the Shackles: Soviet Penal Theory, Policy and Practice, 1917–1930*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 1998, 207 pp.
- Ystehede P. J., ‘Contested Spaces. On Crime Museums, Monuments, and Memorials’, Knepper P., Johansen A. (eds.), *The Oxford Handbook of the History of Crime and Criminal Justice*. Oxford: Oxford University Press, 2016, p. 338–352.